
ПОЛЮС КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XXI в.

Голиней В. А. *

В статье исследуются некоторые аспекты полюса как составного элемента системы международных отношений. С помощью метода интерпретаций рассматриваются характеристика и основные концепты, с которыми отождествляется полюс. Это позволяет увидеть главные черты полюса, выводимые из геополитической, геоэкономической и геоцивилизационной картин мира, а также дать определение полюса в политическом контексте XXI в.

Ключевые слова: полюс, система международных отношений, регионализация, геополитика, геоцивилизационное пространство, корпоративизм, идентификация.

The present article considers some aspects of a pole as an integral part of the international relations system. By applying the method of interpretations the author considers the characteristics and basic concepts identified with the pole. This allows defining the key features of the pole, deduced from geopolitical, geo-economic and geo-civilizational world views and also helps to describe the pole in the political context of the 21st century.

Keywords: pole, international relations system, regionalization, geopolitics, geo-civilizational space, corporativism, identification.

В политическом дискурсе последних лет часто можно встретить упоминание полярности или центричности, которые позволяют представить определенные характерные черты системы международных отношений. В таком случае принято говорить о существовании в различные периоды следующих миров: однополярного, биполярного, многополярного, бесполюсного, полицентричного или моноцентричного. Такое устройство мировой системы содержит в себе скрытую или открытую форму иерархии. Приведем примеры.

Однополярный мир в смысловом контексте уже означает, что имеется один полюс, одно государство, которое формирует институты системы, «правила игры», приближает к себе одних игроков, отдаляет других, то есть создает иерархическую соподчиненность государств-наций. Отсюда исходит еще одно название – моноцентричный мир, который содержит в себе несколько иную характеристику системы: имеется один глобальный центр влияния и принятия решений, остальные же государства занимают определенную нишу, контролируют определенное пространство, не влияя на всю систему международных отношений, и потому согласны на более низкий статус, например, регионального, а не глобального игро-

---

* Голиней Владимир Андреевич – магистр международных отношений факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: natli2009@yandex.ru.

ка. Институционализация в такой системе направлена не просто на легитимацию центра силы, одного полюса, но на создание взаимозависимости всех элементов системы. Если следовать логике Марты Финнемор [Современная... 2015: 533–559], то складывается такая ситуация, когда происходит частичная диффузия влияния, которая, в свою очередь, тесно связывает все государства, разделяющие «правила игры» центра. Поэтому можно предположить, что даже при изменении такой системы на какую-либо другую ее элементы частично остаются.

Биполярный мир представляет собой структуру мирового устройства, уравновешенную двумя элементами – двумя полюсами, которые в определенной степени равновесны, являются ядрами двух противоборствующих систем и имеют притязания на глобальную политику, защищая свои «проекты» развития мира. В то же время, если рассматривать период холодной войны как типичный случай биполярности, то он, говоря языком классических реалистов или неореалистов, являет собой практический пример нескольких постулатов, важных для этих теорий. Если вывести за скобки центральное положение государств как главных акторов, так как речь идет о системах объединенных стран, то биполярность подтвердила, что, во-первых, категория силы является главным мерилем национальных интересов; во-вторых, основой взаимодействия между государствами была триада – «баланс сил», дилемма безопасности и баланс между аксиомами наступательного и оборонительного реализма [Smith *et al.* 2012: 43].

Многополярный мир подразумевает наличие нескольких (более двух) полюсов, центров принятия решений, которые, взаимодействуя между собой, определяют контуры глобальной политики. В своих трудах отечественный исследователь А. Г. Дугин выводит основные черты многополярного мира, противопоставляя их характеристике иных полюсных миров [Дугин 2013: 31–32]. Во-первых, можно сказать, что многополярный мир строится субъектами международных отношений в лице государств или их коалиций, которые формируют международные организации, союзы политического и военного характера, а также интеграционные объединения. Таким образом, выводятся два краеугольных постулата – полюс может отождествляться с государством, которое обладает полным суверенитетом в процессе принятия решений, и в случае недостаточности сил одного государства формируются объединения из нескольких стран, преследующих одинаковые цели. В такой характеристике можно увидеть полицентричную многоуровневую архитектуру сил всей системы международных отношений. На вершине находятся центры силы: несколько самодостаточных мощных государственных или объединений государств, в которых есть безусловный лидер, выступающий от лица остальных.

Беспольярный мир – еще одна форма. В отличие от многополярной модели, где ключевыми акторами выступают все же государства, в беспольном мире действуют разные центры силы, которые размывают «монополию государств на власть» [Haass 2008: 45]. Ричард Хаасс подчеркивает: мы должны принимать во внимание факт, что помимо обычных государств или международных правительственных организаций в настоящее время усиливается роль акторов внегосударственного поля. Уже сейчас в мире существует большое количество структур, которые заменяют собой функциональные стороны государства, например, частные военные компании, транснациональные агрохолдинги, частные медицинские фирмы, СМИ, банки, коммунальные службы, НИИ и космические компании

(конкурируют наравне с государствами). Бюджет многих НКО и ТНК порой превышает ВВП ряда стран, например, капитализация компании «Apple» на начало 2018 г. составляла 821 млрд долларов [Гайнуллина], а ВВП ЮАР в 2017 г. (30-я экономика мира) был лишь 757 млрд долларов [Показатель]. Такой факт, с учетом традиции либеральной и английской школ ТМО, иной раз заставляет задуматься о том, что не только государства являются акторами и что, возможно, стоит говорить о статусе некоторых корпораций как «полюсе» международной системы, так как они влияют на повестку дня и могут оказывать воздействие на ряд менее сопоставимых по силе государств в процессе принятия решений.

Тем не менее, чтобы действительно понять характеристику мирового устройства, разобраться, является ли оно сейчас многополярным, однополярным или бесполюсным, в первую очередь необходимо выяснить, что представляет собой полюс на самом деле. Является ли он государством или имеет какую-то другую форму?

Дело в том, что зачастую, когда речь заходит о полярности в международных отношениях, подразумевается «воображаемая геополитическая конструкция мира» [Многополярный... 2003], и потому четкого объяснения сущности полюса найти невозможно, то есть попросту определение полюса в политическом смысле отсутствует в современных глоссариях, словарях и энциклопедиях, хотя о самих мирах (многополярном, однополярном и пр.) активно говорят и пишут.

В то же время из предыдущих описаний можно выделить некоторые черты для понимания полюса, например, в большинстве исследований под полюсом понимается непосредственно государство. В своем труде И. В. Ильин и соавторы [Ильин и др. 2013: 39] дают более широкую трактовку: «...полюс – это элемент глобальной политической системы, обладающей значительным военным, экономическим, политическим и цивилизационным потенциалом», при этом каждое государство или объединение стран может обладать тем или иным элементом, образуя либо экономический, либо политический, либо военный, либо цивилизационный полюс.

Иное представление о полюсе содержится в «Столкновении цивилизаций» С. Хантингтона, где можно найти идею, что ключевыми акторами международных отношений в XXI в. будут цивилизации, а значит, можно предположить, что именно они и станут полюсами, определяющими глобальную политику. Подробное теоретическое объяснение концепции полярности разрабатывается в русле цивилизационистики и геополитики также А. Г. Дугиным.

Несмотря на то что мы сталкиваемся с различными точками зрения, каждая из которых трактует интересующее нас понятие по-своему, можно выделить ряд схожих черт, описывающих полюс. Во-первых, это неразрывная связь так называемого полюса с территорией, географическим пространством. Здесь мы имеем конкретные наименования характеристик – государство или регион (региональный лидер). Во-вторых, связь с обществом, которое в этом пространстве существует. Каждое общество может отличаться или иметь схожие элементы характеристики, что приводит исследователей к конкретным примерам – начиная от историко-культурных типов Н. Я. Данилевского и заканчивая геочивилизациями. Вдобавок заметим, что в обыденном смысле понятие «полюс» означает «предел, границу, крайнюю точку чего-либо или что-либо, диаметрально противоположное другому» [Значение...].

Таким образом, мы подходим к тому, что выяснение границ и «ипостаси» полюса лежит в большой плоскости и неразрывно связано со следующими элементами: государство, регион, цивилизация, возможно, крупное экономическое объединение (интеграционный проект как совокупность государств). В итоге мы получаем следующую картину политического дискурса о полюсе:

1. Если рассматривать полюс в проявлении формы государства, то необходимо понять, в каком из значений понятия «государство», собственно, его и стоит рассматривать. Государство в широком представлении можно описать тремя разносторонними концептами: *state*, *polity* и *national patrimony*.

Привычное англоязычное *state* берет свое начало в XIII в. от старого французского слова *estat*, которое напрямую вышло из латинского *status*, что означает «статус, позиция, состояние». В политическом контексте *state* приобрело свое понимание как некий статус территории (*condition of the country*) от латинского выражения *status rei publicae* (статус республики) [Этимология слова «state»]. Уже во времена Вестфальского мира с развитием философских идей в Англии слово *state* приобрело окончательное значение как «государство», в которое вкладывалось в первую очередь понимание статуса суверенитета правительства, а не просто территории. Для понятия «территории» чаще стали использовать концепт *country*.

Второй ипостасью «государства» является понятие *polity*, которое берет свое начало в греческом языке и означает *политию* – «разный политический порядок любого типа» [Универсальная... 2012: 361]. То есть полития по существу означает любую политическую единицу, от общины до государства, и позволяет рассматривать различные политические системы, их эволюцию, формы, типы и иерархическое построение [Гринин 2016].

Третьим концептом для «государства» следует считать понятие *national patrimony*. *Patrimony* в своем первом содержании означает «вотчина, наследство» [Понятие...]. В контексте же *national patrimony* мы уже имеем понятие «национальное достояние государства» – все, что осталось от предыдущих эпох и форм развития государства, наследуется текущим и грядущими поколениями. Такой концепт несколько близок понятию, введенному Ж. Готтманном, – *иконография пространства*, под которым автор понимал «“духовный комплекс” общества, размещенного на определенной территории», сложенный «из базовых составляющих: религиозное кредо, социальная точка зрения и политическая память» [Бабков 2010: 31].

В итоге мы можем увидеть, что по своей сущности полюс в форме представления государства, скорее всего, может быть понятым как нечто, имеющее одновременно и определенный статус, и пространственную форму, то есть находящийся между *country* и *state*, и как нечто тяготеющее к образованию некой политической системы, то есть в определенной степени может пониматься как *полития*. Если же рассматривать полюс с точки зрения национального достояния, то ближе к этому понятию будет не ипостась государства, а цивилизационный критерий, что также выводит нас на содержательный аспект политики. Поэтому мы обратимся к представлению полюса через форму цивилизации.

2. Начнем с того, что цивилизация – это многосторонний концепт, под которым понимают и «качественное состояние общества и государства, отражающее уровень развития материальной и духовной культуры, и развитость политической структуры, и степень технологичности общества, и уровень воспитанности и т. д.»

[Геоцивилизация 2003]. Безусловно, само понятие «цивилизация» рассмотрено уже многими учеными вдоль и поперек, и если мы углубимся в разъяснения, то необходимо будет писать отдельный труд. Отдавая должное таким исследователям, как А. Фергюсон, Н. Я. Данилевский, Л. И. Мечников, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин, К. Ясперс, Ф. Бродель, и другим не менее значимым ученым, которые занимались всесторонним и многоаспектным изучением цивилизаций, мы обратимся к представлениям об этом понятии как определенной системе на международной арене.

Например, отечественный исследователь А. Н. Чумаков, проводя анализ смежных и различных сторон культуры и цивилизации, пришел к необходимости рассмотреть общественные мировые процессы с точки зрения культурно-цивилизационного контекста. Он пишет о культурно-цивилизационных системах, которые понимаются им как «самодостаточные целостные общественные структуры, которые, с одной стороны, характеризуются принципиальной схожестью основных параметров культуры... а с другой – относительной равномерностью проявления в различных частях данной социосистемы цивилизационных связей и отношений» [Чумаков 2017: 402]. То есть такие структуры соединяют в себе элементы, общие для всего человечества, например, язык, ценности, религию, связанные с культурным контекстом, но проявляющиеся со своей цивилизационной спецификой в том или ином пространстве, где располагаются национальное государство, малые или крупные общества, иные формы социальных систем. Из такого контекста можно предположить, что потенциалом для статуса полюса обладает не просто тот или иной тип цивилизации, а любая форма социальной системы, но реально его достигает только та, которая в состоянии выйти на глобальный или региональный уровень международной арены, сделав свою специфику примером для других.

Схожее представление о полюсе можно вывести и из мир-системного анализа, если принимать во внимание, что «мир-система – это система взаимодействующих политий, которые часто организованы как иерархически взаимно переплетенные элементы» [Chase-Dunn *et al.* 2015]. Элементами в таких системах выступают разноуровневые центр, полупериферия и периферия, каждый/-ая из которых формируется единством экономического, политического, исторического, социокультурного компонентов. Субъектами, отображающими положение обозначенных элементов, выступают не просто государства, а политии Мир-Системы, которые вполне могут принимать форму цивилизации. При этом такой подход напрямую выводит цивилизацию как завершенную политическую единицу в качестве полюса на международной арене.

В итоге получается, что, так же как и в случае с государством, в цивилизационном контексте полюс может быть представлен как некая форма политики и выражаться в виде системы – цивилизации. При этом так или иначе цивилизация будет иметь связи с государством, отождествляться с ним или выходить из него на новый этап развития.

3. Если же рассматривать полюс еще с одной точки зрения, а именно с точки зрения тождественности региону, то для начала надо понять, что представляет собой *регион*. Это понятие имеет много значений, например, переплетается с государством, будучи представленным его частью в виде административно-территориальной единицы, или является пространственным понятием в географии,

позволяя делить сушу и океаны на части света, континенты и более мелкие пространства. И в том и в другом случае мы имеем возможность определить границы региона, так как это будет или государственная граница, или сухопутная, окаймленная морским пространством. Тем не менее, чтобы увидеть «регион» в наиболее полной форме, его следует рассматривать в триаде с концептами *regionalism*, *regionalization* и *regionness*, которые, в свою очередь, неразрывно связаны с понятием *глобализация*. Все эти понятия связаны между собой, и порой трудно вычленишь, что от чего является производным.

Если начинать с рассмотрения сущности *регионализма*, то его можно определить как «политику и проект, посредством которых государства и негосударственные субъекты сотрудничают и координируют между собой стратегию в рамках конкретного региона» [Fargell, Hettne 2005: 24], что открывает для нас современное понимание регионов как чего-то большего, чем просто территория или государство. Регион через призму регионализма становится уже географическим пространством, которое государство и внегосударственные акторы наполняют определенной политикой, экономической идеей, процессом интеграции и культурой.

В то же время главным аспектом *регионализма* является баланс между процессами централизации и децентрализации. Следуя национальным интересам, страны могут группироваться и образовывать регион или оставаться автономными. «Идея автономии (суверенитета), направленная на преодоление подчиненности... стран перед крупными державами международной системы» [Rivarola Puntigliano, Vrsceno-Ruiz 2013: 7] имеет важное значение в регионализме. Эта идея объясняет поведение стран, находящихся в одном пространстве. Если у них есть общие проблемы и угрозы безопасности, возможно достижение значимых результатов при региональном сотрудничестве, то государства объединяются. Этот процесс может сформировать регион и стать основой *регионалистской политики*, но в то же время «открыть» суверенитет малых и слабых стран. Поэтому мы должны учитывать проблему гегемонии и неоднородности региона. Без лидера в региональном пространстве все процессы будут идти довольно медленно, так как лидер-государство является «мотором» регионального развития, тем, что наполняет политику *регионализма*.

Также ответом «малых» или неготовых к сотрудничеству с более крупной страной государств будет создание своей зоны интересов, которая как субрегион (матрешка) будет входить в контекст региональной системы, например, Андское сообщество наций в рамках Южной Америки и Западного полушария [Fawcett, Hurrell 1995: 250–282]. При этом такая политика может быть отождествлена с интеграцией или ответом на глобализацию, проводимым государствами в форме *регионализации*.

Региональная интеграция – это процесс сотрудничества и объединения государств в политической, экономической сферах или сфере безопасности. Этот процесс в большинстве случаев происходит на территориальной основе, когда соседи, которые разделяют общую границу, объединяются для достижения каких-то целей, например, для создания зоны свободной торговли или зоны коллективной безопасности.

Таким образом, ключевым фактором региональной интеграции выступает вопрос *идентичности*. Исследователи региональных процессов выделяют геогра-

фическую, национальную идентичность и идентичность на основе ценностного, политического и экономического инструментария [Chackel 2016]. Она играет ключевую роль в процессе регионализации и успешности политики регионализма, так как либо сближает страны, либо разделяет их. Аспект идентичности лучше всего раскрывается на примере понятия *regionness* [Hettne, Söderbaum 2000]. В нем можно найти те общие скрепы и интересы, «дух» регионализации, историческую память, родство языка и религиозно-общественного сознания, которые способствуют успешному сближению стран и их интеграции.

Исходя из такого контекста, получается, что международная арена уподобляется сложной многоуровневой системе, где все страны, проводя региональную политику, имеют возможность сотрудничать и формировать субрегиональные и региональные блоки, которые по мере сотрудничества могут даже соединиться друг с другом. При этом регионализм сводится к своего рода политике, которая двигает регионализацию и, в свою очередь, имеет разные формы, одна из которых – интеграция.

В совокупности, исходя из всех описанных концептов, мы можем предположить, что полюс представляется в большей степени как некая форма политики, действующей на международной арене. Отметим, однако, что проанализированные концепты в первую очередь имеют отношение к геополитическим представлениям мирового устройства, где главную роль играет государство-нация, что дает нам не совсем точную современную картину. Ни отдельные цивилизации, ни регионы, ни даже частные или международные организации не могут в полной мере возместить государство, не могут отождествляться с полюсом, в то же время государство-нация более не может игнорировать значительный вес, силу и влияние со стороны других акторов, и потому, скорее всего, мы должны говорить, что для окончательного утверждения на международной арене они все используют взаимосвязанные инструменты, срачиваясь между собой. Мы можем наблюдать своего рода проникновение элементов ТНК в политику государства, которое использует его для своих целей, государство же взаимно проникает в ТНК, используя его для геополитических целей. То же происходит и с цивилизацией. Мы можем увидеть из описания понятий «государство», «регион» и др., как они переплетены между собой, поэтому в данной работе предлагается интегральный подход и выдвигается гипотеза, что наравне с государствами-нациями в нынешней системе международных отношений функционируют такие акторы, как государства-корпорации и государства-цивилизации, которые дополняют современное объяснение сущности и формы полюса. Чтобы раскрыть эти понятия, нам необходимо обратиться не к геополитической, а к геоэкономической и геоцивилизационной картина мира, которые приближают нас к многогранному пониманию современной системы международных отношений.

Если рассматривать тему геоэкономики, в первую очередь возникает образ какого-то государства, которое доминирует в экономическом, рыночно-хозяйственном плане. То есть речь, возможно, идет о своего рода центре экономического развития, который влияет на региональные процессы, формирует экономическое пространство под своей эгидой. Этих центров может быть несколько, они могут группироваться, но при этом неразрывно связаны с глобальным рынком и национальным государством.

О такой связи упоминал японский специалист по менеджменту К. Омаэ. В своих трудах он вывел экономические отношения на первый план, говоря уже не столько о государствах, сколько об экономических зонах внутри них. Для него города, провинции производства и территории экономического развития являются «естественными экономическими зонами, ограниченными в географическом масштабе, но часто имеющими колоссальное экономическое влияние» [Ohmae 1995: 80]. То есть в экономическом плане эти зоны способны выходить за пределы национальных границ того или иного государства, они больше имеют отношение к глобальной экономической системе, являясь, по мнению автора, своего рода центрами роста, узлами, которые на геоэкономическом уровне больше связаны с внешним, мировым капиталом, чем с национальным государством, в котором они располагаются географически.

Такие зоны были названы им *регион-государствами*. Если вернуться к трактовке понятия «регион», что было дано ранее, то мы увидим, что в данном контексте регион отождествляется с ячейкой глобальной экономической сети, которая охватывает весь мир, связана с системой потребления и спроса. Каждая зона, то есть регион-государство, специализируется на каком-то производстве, при этом покрывая внутренний спрос, она больше нацелена на экспорт продукции, что заставляет ее стремиться выйти за границы национального государства. Ввиду заинтересованности всех зон в аналогичных целях они отрываются от национального капитала, превращаясь в интернациональные единицы, что приводит как раз к формированию определенных правил игры, где важную роль играют не государства, а отношения между частными транснациональными корпорациями. Именно в такой геоэкономической картине мира Омаэ видит будущее.

Таким образом, мы сталкиваемся с вопросом – как же стоит называть акторов, действующих в такой системе? Из имеющихся вариантов, на наш взгляд, лучше всего подходит такой концепт, как государство-корпорация. Этот актор, с нашей точки зрения, формирует геоэкономическое пространство, в котором наравне функционируют экономические зоны, государства, интеграционные блоки и корпорации. И для того, чтобы раскрыть этот концепт, нам необходимо обратиться к сущности понятия «корпорация».

«Корпорация» берет свое начало от латинского *corpus*, что означает «тело», преобразовываясь в XVII в. в своего рода «легально уполномоченный субъект, единицу, которой может быть и муниципальное руководство, и бизнес-компания» [Этимология слова «corporation»].

Сейчас слово «корпорация» чаще используется сугубо в экономической терминологии, однако если прибегнуть к политической теории, то можно обнаружить, что это понятие имеет отношение и к политическим субъектам. Такой теорией принято считать корпоративизм. Он позволяет понять исторический процесс сращивания интересов экономических и политических субъектов. Это ярко показано в исследовании Г. Виарды, в котором автор выделил четыре формы корпоративизма – историческую, идеологическую, манифестовую и неокорпоративизм [Wiarda 2016: 13–19].

В каждой из этих форм на определенном историческом этапе преобладала та или иная группа, «корпорация», то есть единица общества, которая лоббировала свои интересы и поддерживалась государством. Для исторической формы это была традиционная община, которая позже заменилась тандемом «государство + цер-

ковь»; для идеологической расцвет пришелся на время эпохи Возрождения и Просвещения с идеями свободы (либерализма и капитализма), которая позже зафиксировала новую «корпорацию» в виде тандема «государство + индивидуальный крупный собственник»; в манифестовой форме произошел всплеск реакционных сил после поражения в Первой мировой войне, и именно в это время образовались объединения, союзы (*fascio*) мелких собственников, на которых ориентировалось государство и которые стали новой корпорацией; завершающая, современная форма в виде неокорпоративизма с 60-х гг. XX в. вывела на первый план тандем «государство + ТНК», объединения нескольких крупных собственников, деятельность которых игнорирует национальные границы государств.

Таким образом, мы видим, что в рамках геоэкономического пространства крайне важным является анализ отношений главных экономических субъектов того или иного исторического этапа, в результате чего происходит отождествление, сращивание интересов одной группы общества, «корпорации» с интересами государства. Поэтому в рамках геоэкономической картины мира на первое место выходит анализ не государства, а элит, их состава, процесса формирования, взаимосвязи между собой внутри и с другими элитами вовне, ведь часть той или иной элиты формируется за счет преобладающей на данном историческом этапе «корпорации», то есть группы людей, которые лоббируют свои интересы, пользуясь экономическими и политическими инструментами государства.

Обращаясь же к геоцивилизационной картине мира, мы будем неизбежно сталкиваться с геополитическими и цивилизационными идеями. Принимая во внимание такое наложение, мы постараемся раскрыть иную сторону геоцивилизационных представлений и начнем с геоцивилизационного пространства.

Под геоцивилизационным пространством понимается такое пространство, матрица которого имеет двойное направление: материальные и нематериальные элементы измерения. С одной стороны, оно зависит от природно-климатических условий, так как они косвенно влияют на формирование определенного набора характеристик человека, этнических образований, государств, которые развиваются и живут на той или иной территории. В определенной степени такое представление близко к геополитическому, где главным является вопрос «почвы и крови», особенно оно близко к пониманию К. Хаусхофером сущности пространства, когда, например, для островного человека морское пространство является возможностью выхода за границу привычной суши, а для материкового человека море предстает пределом, до которого он доходит, действуя на земле [Хаусхофер 2016: 270–278]. Поэтому с данной стороны геоцивилизационное пространство описывается геополитическими материальными элементами в виде территории и общества, которое функционирует на этой территории.

С другой стороны, рассматриваемое пространство неразрывно связано с нематериальными аспектами, а именно временным критерием и критерием восприятия человеком, обществом себя и окружающего мира, что отсутствует в геополитических представлениях. Временной критерий позволяет выделить развитие той или иной социальной общественной структуры, выводя за рамки споров вопрос о совершенстве и превосходстве каких-либо других структур. Главный аспект этого критерия – наличие конкретно в то время и в том месте адекватного общественного состояния, уровня развития, конкурентной идеи. Под адекватным состоянием понимается форма набора идейных, общественных, культурно-цивилизаци-

онных, политэкономических и иных установок как форм самоидентификации, которые воспринимаются и воспроизводятся обществом в конкретный исторический период времени. То есть представляется, что современные, например, государства, существующие в рамках своих территориальных пространств именно сейчас, имеют подходящую, адекватную для своего времени форму и структуру, то же самое касается общества, политико-экономического и технологического развития, в то время как если мы попытаемся сравнить эти формы с теми, которые существовали на этих пространствах ранее, то они окажутся с учетом временного критерия неподходящими.

Важность рассмотрения гецивилизационной картины мира заключается в том, что если основное внимание исследования перенести в нематериальную плоскость, то, подобно конструктивистам, можно сконцентрироваться на аспектах идентификации. Именно в рамках идентификации происходит становление идейных концептов, которые воплощаются в виде структур государств, народов, влияют на формирование цивилизационной матрицы, ценностного пласта бытия, и создается самость того или иного этноса, социального формирования; при этом ясно видно, что, например, национальность определяется не по крови, а путем установления конструкта идентификации у каждого человека и в обществе в целом, что опять-таки отсутствует в геополитике.

Если же раскрывать сущность аспекта идентификации, то получим следующее представление: с одной стороны, «это фиксация принадлежности к чему-то единому, культурно-исторически целостному, к общности во времени, пространстве, в индивидуальном сознании и коллективном бессознательном» [Лукин], а с другой стороны, идентичность выстраивается на базе идей, которыми определенная социальная или политическая группа «может манипулировать, реконструируя их в своих интересах» [Тимофеев], что может приводить к размежеванию по идеологическому признаку и будет тесно связано с геоэкономическим представлением о роли элит и корпораций.

Наиболее подробно концепт идентичности был разобран отечественными исследователями ИМЭМО РАН, в работе которых можно увидеть разноуровневые элементы идентичности от индивидуальной, классовой до этнической, государственной и даже цивилизационной. Составные элементы идентичности при этом сводятся к характеристике определенных наборов ценностей; характеристике цивилизационных кодов матриц, которые представляют собой «когнитивные стереотипы, образующие ментальную целостность, объединяющие крупные популяции людей, и лежащие в основе всех важнейших сфер человеческой деятельности» [Плебанек 2011: 108]; этногенезу и анализу социальных, экономических и политических институтов. Совокупность всех этих элементов позволяет создать своего рода единый *профиль*, портрет не просто этноса, государства, а многоуровневого пространства. Представляется, что для такого пространства свойственны следующие уровни: зарождающийся, этнический, национальный, региональный, континентальный, глобальный.

Каждый из них, подобно концепту *regionness*, вмещает в себя определенный набор идей, цивилизационные коды, историческую и культурную память, что формирует определенную идентичность для каждого уровня, и соответственно акторов, которые действуют на международной арене в рамках того или иного уровня. Например, для зарождающегося уровня характерны аспекты кровнород-

ственных общинных связей или территориально-соседских; для этнического – формирование этноса; для национального – формирование суперэтноса, объединяющего уже несколько кодов, матриц, идентичностей в одну крупную структуру; региональный уровень характеризуется укреплением непосредственно государств, будь то государства-нации/корпорации или иные формы; континентальный уровень вмещает мегапроекты, которые призваны объединять под одним «стягом», панидеей целые континенты (обе Америки, Африка, Большая Евразия); глобальный же уровень неразрывно связан с общечеловеческим планетарным единством. Мы предполагаем, что на каждом из представленных уровней в рамках определенного пространства может существовать несколько субъектов, выдвигающих своего рода конкурирующие и альтернативные друг для друга «проекты», идеологические концепты. Борьба этих идей может происходить как с использованием военных средств, так и в нежесткой форме, на основе создания каких-то «мифов», целью которых было бы разрушение или подмена собой базовых элементов идентичности, свойственных для каждого уровня и исторического временного контекста. То есть в рамках геочивилизационной картины мира речь напрямую заходит об информационной войне, войне концептов, идеологий и смыслов, и, начиная с национального и регионального уровней, именно государство-цивилизация, по нашему представлению, становится в таких условиях тем самым актором, который ведет борьбу идей.

Почему выбрано понятие «государство-цивилизация»? Дело в том, что в рамках войны смыслов в первую очередь под удар попадают элементы цивилизационной матрицы и ценностный пласт представлений общества. Изменение, пусть и малейшее, в этих структурах может привести в итоге к подмене определенных концептов и их трактовки. При этом представляется, что субъект на международной арене, имеющий идеологический, идентификационный проект более высокого уровня, обладает и большими инструментами для влияния на другие пространства, а значит, способен начать политику размывания основ цивилизационных кодов и «идей» других, конкурирующих акторов на более низких уровнях. Например, США, которые проводят глобальную политику и отстаивают глобальный проект, пользуясь распространенностью английского языка и своих источников в информационном пространстве, так или иначе, влияют на представления людей по всему миру о том, что такое свобода, демократия, что добро, а что зло для международного сообщества. Такие представления могут в корне не соответствовать тем базовым, которые имеются в профиле геочивилизационного пространства какого-либо государства, но если видеть только одну безальтернативную картинку, то рано или поздно начинаешь верить в ее правдоподобность и идеал, к которому стоит стремиться.

Таким образом, формы государства-цивилизации и государства-корпорации позволяют вывести политический дискурс о государстве-нации на новый уровень обсуждения, при этом представленные концепты предоставляют возможность расширить характеристики современного мирового устройства. Его в определенной степени действительно можно отождествлять с многополярным, как это и делают многие исследователи, однако в нем стоит по-иному смотреть на понятие «полюс». В политическом контексте XXI в. под полюсом уже недостаточно понимать просто государство, под этим термином стоит понимать определенное триалистичное пространство (геополитическое/геоэкономическое/геочивилизаци-

онное), в каждом из которых имеется своя форма социально-политической системы с ярко выраженным лидером – полития (государство-нация, государство-корпорация и государство-цивилизация), которая имеет отношение к идеям, идеологии, процессу идентификации, то есть служит объединяющим элементом, начинающая с национального и заканчивая глобальным уровнем.

Литература

Бабков А. Иконография как метод геополитического анализа [Электронный ресурс] : Власть. 2010. Сентябрь. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/09/Babkov.pdf> (дата обращения: 01.06.2018).

Значение слова «полюс» [Электронный ресурс] : Большой энциклопедический словарь. URL: <https://www.vedu.ru/bigencdic/49337/> (дата обращения: 02.06.2018).

Гайнуллина А. Apple или Google: какую компанию первой оценят в \$1 трлн [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/356983-apple-ili-google-kakuyu-kompaniyu-pegvoy-ocenyat-v-1-trln> (дата обращения: 01.06.2018).

Геоцивилизация // Энциклопедия «Глобалистика» / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Радуга, 2003. С. 172.

Гринин Л. Е. Зависимость между размерами общества и эволюционным типом политики // История и Математика: Анализ и моделирование социально-исторических процессов / под ред. А. В. Коротаева, С. Ю. Малкова, Л. Е. Гринина. М. : URSS, 2016. С. 263–303.

Дугин А. Г. Теория многополярного мира. М. : Евразийское движение, 2013.

Ильин И. В., Леонова О. Г., Розанов А. С. Теория и практика политической глобалистики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 39.

Лукин В. А. Внешнеполитический курс постсоветской России: в поисках идентичности [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1796> (дата обращения: 26.05.2018).

Многополярный мир // Энциклопедия «Глобалистика» / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Радуга, 2003. С. 632.

Плебанек О. В. Цивилизационная матрица как категория геополитики // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. № 1. С. 106–113.

Показатель ВВП по паритету покупательной способности (ППС) за 2017 год [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas/ranks/%D0%92%D0%92%D0%9F-%D0%BF%D0%BE-%D0%9F%D0%9F%D0%A1> (дата обращения: 01.06.2018).

Понятие слова «patrimony» [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/patrimony> (дата обращения: 01.06.2018).

Современная наука о международных отношениях за рубежом: хрестоматия: в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. И. С. Иванова. М. : НП РСМД, 2015.

Тимофеев И. Н. Российская идентичность: сделать невозможное возможным [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-identichnost-sdelat-nevozmozhnoe-vozmozhnym/> (дата обращения: 27.05.2018).

Универсальная и глобальная история: Эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества: хрестоматия / под ред. Л. Е. Гринина, И. В. Ильина, А. В. Коротаева. Волгоград : Учитель, 2012.

Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. 2-е изд. М. : Мысль, 2016.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2017.

Этимология слова «corporation» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/word/corporation> (дата обращения: 01.06.2018).

Этимология слова «state» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/word/state> (дата обращения: 01.06.2018).

Chackel J. Regional Identities and Communities // *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism* / ed. by M. Rosenblum, D. Tichenor. New York : Oxford University Press, 2016. Pp. 559–579.

Chase-Dunn C., Inoue H., Neal T., Heimlich E. The Development of World-Systems [Электронный ресурс] : *Sociology of Development*, University of California Press. 2015. Vol. 1 No. 1. Spring. Pp. 149–172. URL: http://irows.ucr.edu/papers/irows86/irows86.htm#_ftn7 (дата обращения: 01.06.2018).

Farrell M., Hettne B. *Global Politics of Regionalism*. London : Pluto Press, 2005.

Fawcett L., Hurrell A. *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. New York : Oxford University Press, 1995.

Haass R. N. The Age of Nonpolarity. What will Follow U.S. Dominance // *Foreign Affairs*. 2008. No. 87(3). Pp. 44–56.

Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5(3). Pp. 457–474.

Ohmae K. *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies*. New York : The Free Press (Simon and Schuster Inc.), 1995.

Rivarola Puntigliano A., Briceño-Ruiz J. *Resilience of Regionalism in Latin America and the Caribbean: Development and Autonomy*. London : Palgrave Macmillan, 2013.

Smith S., Hadfield A., Dunne T. *Foreign Policy: Theories, Actors, Cases*. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2012.

Wiarda H. J. *Corporatism and Comparative Politics: The Other Great 'Ism'*. New York : Routledge, 2016.